

© 2023. Е. В. Белоусова

Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»,
Россия

Обзор фонда М. Н. Толстой, матери Толстого в отделе рукописей РНБ

Аннотация: В статье представлен анализ фонда М. Н. Толстой, хранящийся с 1903 г. в отделе рукописей РНБ. Он состоит из 85 рукописей объемом в 4027 листов. В 1810–1820-е гг. Толстая перевела с французского языка на русский трактат «Le combat spirituel», являвшийся переводом средневекового труда Л. Скупóли «Il combattimento spirituale». Она озаглавила свою рукопись «Духовное сражение». Русский текст произведения Скупóли в переводе И. С. Андреевского 1787 г. она не знала, так как он был запрещен к печатанию. В статье проводятся сравнения некоторых фрагментов «Духовного сражения» с «Невидимой бранью» свт. Феофана Затворника — известным русским переводом «Il combattimento spirituale». В целях религиозного просвещения яснополянских крестьян в 1820-е гг. Толстая пишет «Наставление о законе христианском, выбранное из “Магазейна бедных”» — самостоятельное произведение в жанре катехизиса. Неизвестно, был ли ей известен Катехизис митр. Филарета, однако общая структура этих произведений имеет много общего. Деятельность Толстой как духовной писательницы была вызвана стремлением совершенствоваться в богопознании и послужить ближним.

Ключевые слова: М. Н. Толстая, Л. Н. Толстой, католический трактат, Скупóли, искушения, богопознание, смирение, служение, диаконисса, катехизис.

Информация об авторе: Елена Викторовна Белоусова, старший научный сотрудник, музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 301214 дер. Ясная Поляна, Щекинский район, Тульская область, Россия

E-mail: helenyaspol@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 27.06.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 02.08.2023

Дата публикации статьи: 25.09.2023

Для цитирования: Белоусова Е. В. Обзор фонда М. Н. Толстой, матери Толстого в отделе рукописей РНБ // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 236–273. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-236-273>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 3, 2023, pp. 236–273. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 3, 2023, pp. 236–273. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Elena V. Belousova

L. N. Tolstoy Museum-estate “Yasnaya Polyana”
Yasnaya Polyana, Russia

Review of Tolstoy’s Mother M. N. Tolstaya Collection in the Manuscript Department of the National Library of Russia

Abstract: The article presents an analysis of M. N. Tolstaya collection, kept since 1903 in the Manuscript Department of the National Library of Russia. It consists of 85 manuscripts with a common volume of 4027 sheets. In the 1810s–1820s Tolstaya translated from French into Russian the treatise “Le combat spiritual,” which was a translation of the medieval work of L. Skuopli “Il combattimento spiritual.” She titled her manuscript “Spiritual Combat.” She did not know the Russian text of Skuopli’s work, translated by I. S. Andreevsky in 1787, since it was forbidden to be printed. The article compares some fragments of the “Spiritual Battle” with the “Invisible Warfare” of St. Theophan the Recluse — the famous Russian translation of “Il combattimento spiritual.” For the purpose of religious enlightenment of the Yasnaya Polyana peasants in the 1820s Tolstaya writes “Instruction on the Christian Law, Selected from the Poor’s Store” — an independent work in the catechism genre. It is not known whether she knew the Catechism of Metropolitan Filaret, however, the general structure of these works has much in common. Tolstoy’s activity as a spiritual writer was caused by the desire to improve in the knowledge of God and to serve others.

Keywords: M. N. Tolstaya, L. N. Tolstoy, Catholic treatise, Scupoli, temptations, knowledge of God, humility, service, deaconess, catechism.

Information about the author: Elena V. Belousova, Senior Researcher, L. N. Tolstoy Museum-estate “Yasnaya Polyana”, 301214 Yasnaya Polyana, Russia.
E-mail: helenyaspol@yandex.ru

Received: June 27, 2023

Approved after reviewing: August 02, 2023

Published: September 25, 2023

For citation: Belousova, E. V. “Review of Tolstoy’s Mother M. N. Tolstaya Collection in the Manuscript Department of the National Library of Russia.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 3, 2023, pp. 236–273. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-236-273>

«Так много возникает воспоминаний прошедшего, когда стараешься воскресить в воображении черты любимого существа, что сквозь эти воспоминания, как сквозь слезы, смутно видишь их. Это слезы воображения. Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какую она была в это время, мне представляются только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь», — писал Толстой в повести «Детство» [Толстой 1: 8]. Впечатления ранней поры жизни, увековеченные в повести, писатель знал со слов старшего брата Николеньки. Их мать Мария Николаевна Толстая скончалась, когда первенцу было семь лет, а Льву год и одиннадцать месяцев. Строки Толстого о Наталье Николаевне в «Детстве», о княжне Марье в «Войне и мире», о матери в «Воспоминаниях» — это воплощенная в художественное слово память о ней Николеньки, Н. И. Толстого, их отца, тётушек А. И. Остен-Сакен и П. И. Юшковой, которые говорили, что она была «очень хорошо образована для своего времени, <...> знала, <...> четыре языка: французский, немецкий, английский и итальянский, <...> была большая мастерица рассказывать завлекательные сказки» [Толстой 34: 349].

Помнили свою графиню крестьяне и слуги, добрыми словами которых Толстой очень дорожил. «Вся покраснеет, даже заплачет, — рассказывала <...> ее горничная, — но никогда не скажет грубого слова» [Толстой 34: 349]. В материнском портрете, составленном многими людьми, ее любившими, помимо образованности и творческого таланта Толстой запечатлел ее умение уравнивать свой вспыльчивый характер. Святоотеческое предание оставило немало размышлений о наградах за сей подвиг. «Кто не легко принимает в себя духа вспыльчивости, тот делается обителью Духа Святаго», — писал преп. Ефрем Сирий [Сокровищница 2: 554].

Облик матери, составленный Толстым со слов близких, обретал целостность и духовное наполнение при его общении со старшим братом Николенькой, который больше других детей был похож на нее. Толстой

и ее первенцу было присуще «равнодушие к суждениям людей и скромность, доходящая до того, что они старались скрыть те умственные, образовательные и нравственные преимущества, которые они имели перед другими людьми. Они как будто стыдились этих преимуществ <...>, [они] никогда никого не осуждали» [Толстой 34: 350]. Столь высокие слова Толстого о матери указывают на избрание ею трудного, но спасительного жизненного пути — стяжания духа смирения, мира и радости о Господе. Слово «равнодушный» в мирской лексике утратило свой положительный смысл, который имел в виду Толстой, говоря о добродетелях самых близких людей. «Не все кажущиеся равнодушными — равнодушны. Много таких, которые не любят говорить о себе, а в себе хранят духовные помышления и духовное разумение», — так писал своим духовным чадам свт. Феофан Затворник [Душеполезные поучения: 250–251]. Мать Толстого обладала именно такой чертой — была сосредоточена и сдержанна.

Внутренняя, духовная основа нравственного облика Толстой, особенно восхищавшая ее младшего сына, состояла в умении подавлять вспыльчивость, не обращать внимания на похвалы и злословие; ей было чуждо превозношение перед людьми; она имела редкий дар неосуждения ближних, а эти качества не даются изначально, а приобретаются молитвенными подвигами и духовными трудами. Присущая Толстому духовная чуткость помогла ему почувствовать праведность матери: «Она представлялась мне таким высоким, чистым, духовным существом, что часто <...> я молился ее душе, прося ее помочь мне, и эта молитва всегда помогала мне» [Толстой 34: 354].

Воспоминания Толстого о матери знаменуют три этапа творчества. Первый этап — начало его литературной деятельности, повесть «Детство», где образ рано умершей маменьки овеван самыми романтическими тонами. Второй этап — роман-эпопея «Война и мир», на страницах которого писатель создал не просто литературный образ княжны Марьи Болконской — графини Ростовой, но реальный, живой портрет матери. Право на это утверждение дает результат изучения черновых редакций «Войны и мира»: одним из первоисточников будущего произведения был обширный материнский архив, включавший дневники, переписку, сочинения духовного характера, а также произведения, выражавшие ее взгляды на воспитание детей. Эта семейная реликвия сыграла чрезвычайно большую роль в работе писателя над образом

княжны Марьи Болконской, сложившимся на первых этапах работы над произведением. В сравнении с характерным для Толстого кропотливым и длительным трудом по созданию большинства своих героев, образ княжны Марьи изначально существовал в художественном воображении писателя.

Третий этап творчества Толстого — 1890–1900-е гг., подведение итогов жизни в «Воспоминаниях», где к матери он обращается в молитве, что свидетельствует о том, что ее образ воспринимается им как семейная святыня. Примечательно, что в дневниковых записях Толстого крайне редко встречаются упоминания о матери. Дневник отражал преимущественно повседневные события, и не соответствовал той высокой духовной области, в которой находился облик матери.

Толстой в «Воспоминаниях» пишет, что от матери остались «несколько писем ее» к мужу, Н. И. Толстому, его сёстрам и «дневник поведения Николиньки» [Толстой 34: 350]. Невозможно объяснить, почему он ограничился указанием на самую маленькую часть ее архива и ничего не сказал об огромном количестве рукописей на голубоватой шершавой бумаге, сшитой в самодельные тетради, — точно такие же тетради, на которых был написан «Журнал поведения Николеньки», внешний вид и содержание которого хорошо известны толстоведом.

Материнский архив хранился в Ясной Поляне не всегда в хороших условиях. 14 июня 1903 г. С. А. Толстая писала сыну Льву: «На днях я ему (Л. Н. Толстому — Е. Б.) принесла найденные на чердаке дворни¹ и брошенные туда тобой синие тетради, оказавшиеся записками его матери» [Толстая: 10]. В августе 1903 г. Толстой в целях предотвращения небрежного обращения с материнским архивом и его сохранения разделил рукописи на две части: одну оставил у себя, другую, большую, передал в Императорскую Публичную библиотеку Санкт-Петербурга. Эта идея пришла писателю во время приезда в августе 1902 г. в Ясную Поляну В. В. Стасова, служившего там библиотекарем.

В 1958–1959 гг., во время описи петербургской части архива главный библиотекарь отдела рукописей Р. Б. Заборова пришла к выводу о том, что он уникален, «представляет интерес для толстоведов»², но не

---

¹ Чердак Дома Волконского в Ясной Поляне.

² ОР РНБ. Ф. 783. Толстая Мария Николаевна. Опись фонда № 2. Машинопись. Ленинград, 1959. С. 2.

известен исследователям. В статье «Звенья лирической биографии» она так охарактеризовала рукописное собрание Толстой: «Самодельные тетрадки, сшитые большей частью льняными нитками из грубоватой голубой бумаги и исписанные “твердым и крупным почерком”, содержат дневниковые записи, переводы и списки литературных произведений, переводы исторических, педагогических и нравоучительных сочинений французских, немецких, английских и итальянских авторов, а также оригинальные опыты в прозе и стихах» [Заборова 1979: 185]. Заборова отнеслась к описанию фонда не как формальный исполнитель своей библиотечной работы, но как исследователь, увидевший уникальность всех документов. «Значение этих рукописей, дающих живое и ясное представление о матери писателя и о его любимом деде, о том периоде яснополянской жизни, который неудержимо привлекал к себе творческое воображение Толстого, чрезвычайно велико», — писала она в статье «Архив М. Н. Толстой (новые материалы)» [Заборова 1960: 166–167]. В те далекие годы исследовательница выразила надежду на то, что со временем ценность рукописей станет известна не только архивным работникам: «Все возрастающий интерес к толстовским материалам побуждает к более широкой их публикации» [Заборова 1979: 186], что необходимо для создания «до сих пор неполной биографии М. Н. Толстой» [Заборова 1960: 166–167].

Прошло шестьдесят с лишним лет, а подробного изучения жизни и творчества Толстой до сих пор не предпринято. Судя по листу использования документов фонда 783 ОР РНБ, до недавнего времени не было попыток заняться исследованием рукописей Толстой. Дело сдвинулось лишь в 2014 г., когда Государственный музей Толстого в Москве выпустил Каталог части ее архива, хранящийся в ОР ГМТ. Недавно появилось несколько публикаций и выступлений автора данной статьи по результатам изучения петербургской части архива [Белоусова 2016: 40–59]¹, что позволяет постепенно вводить в науку чрезвычайно ценные документы. Таким образом, положено начало составлению

---

¹ Белоусова Е. В. Рукопись М. Н. Волконской «Духовное сражение». Доклад на IX Всероссийской научно-фондовой конференции. М., ГМТ. 12 мая 2021. Белоусова Е. В. Трактат Л. Скуполи «Il combattimento spirituale» как первоисточник книги М. Н. Волконской «Духовное сражение». Доклад на XVI Международном семинаре переводчиков 29 августа–1 сентября 2021 г. Ясная Поляна.

истории её жизни и творчества, которые, за исключением небольших фрагментов, остаются неизвестными.

В своих статьях о фонде Заборова акцентировала внимание на наиболее характерных чертах «творческой индивидуальности» [Заборова 1972: 232] Толстой: поэтическом даровании, таланте воспитательницы, писательницы и переводчицы — «той неустанной работе духа, которую она передала своему великому сыну» [Заборова 1960: 167]. Часть рукописей создавалась княжной Волконской до её замужества в 1822 г., другая — после замужества.

Фонд 783 состоит из двух частей: содержание первой части отражено в описи № 1 — это материалы, касающиеся творчества Толстого; опись № 2 содержит 85 наименований рукописей Толстой, что в целом составляет 4027 листов с оборотами. Опись имеет десять разделов: 1) дневники¹; 2) литературные произведения; 3) переводы и изложения; 4) записи, выписки и списки; 5) библиографические работы; 6) учебные тетради; 7) два её письма к неустановленному лицу; 8) материалы хозяйственно-бытового характера; 9) материалы родственников и других лиц и 10) небольшое количество печатных документов, среди которых находится «Манифест о провозглашении наследником в. кн. Александра Александровича»² от 19 апреля 1855 г., не относящийся непосредственно к личному собранию бумаг Толстой.

Самый большой раздел, состоящий из двадцати четырёх³ наименований работ Толстой, — третий: «Переводы и изложения», который разделён на пять частей: «а) Исторические сочинения <...>, б) Литературные произведения <...>, в) Произведения эпистолярного характера <...>, г) Сочинения философские и моралистические <...>, д) Пе-

---

¹ Имеется в виду первоначальный текст «Дневной записки для собственной памяти» о поездке с отцом в Петербург в 1810 г. Второй вариант с дополнениями Н. С. Волконского хранится в ОР ГМТ и опубликован дважды [Толстой С. Л.: 77], [Толстая: 102–142].

² ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 83.

³ Наиболее обширные объёмы рукописей обозначены Р. Б. Заборовой под несколькими номерами единиц хранения. Например, перевод педагогического сочинения мадам Д'Эпине «Разговоры Эмили», написанный на 39 тетрадях, что составляет 445 листов, имеет пять порядковых номеров — с 36-го по 40-й.

дагогические сочинения»¹. Подраздел «Переводов и изложений» под литерой «г» насчитывает пять названий, или одиннадцать номеров единиц хранения. Интересующие нас рукописи переводов духовных сочинений находятся в этой части. Заборова указала водяные знаки бумаги всех рукописей, крайние даты которых — 1804–1828 гг. Годы изготовления никак не могут соответствовать времени использования бумаги, которая могла быть приобретена Н. С. Волконским, а затем его дочерью в большом количестве на несколько лет вперед. Наибольшую сложность представляло для Заборовой установление годов создания той или иной рукописи, и поэтому датировка документов приближительная. Толстая никаких дат на своих рукописях не ставила.

В «Журнале поведения Николиньки» Толстая писала о себе, что «по пятому году читала хорошо по-русски, а пяти лет по-французски» [Толстая: 118]. С. Л. Толстой со слов отца знал о ее незаурядном характере, образованности и в книге «Мать и дед Л. Н. Толстого» писал о ней: «По своим умственным и нравственным качествам она была выдающейся женщиной, <...> много читала, особенно французскую литературу, писала хорошим и правильным языком как по-французски, так и по-русски» [Толстой С. Л.: 64–65].

С годами желание совершенствовать знание иностранных языков побудило Толстую заняться переводами, причем предпочтение было отдано духовной литературе. В 1820-е гг. она составила «Каталог Книгам»² Яснополянской библиотеки, который содержит 47 названий: это более 160 томов на русском, французском, английском, немецком и итальянском языках. Преобладающее большинство — богословские, исторические, философские произведения; энциклопедии, словари, детская литература. Раздел русских книг открывается записью: «1. Псалтирь 2. Канонник 3. Часослов»³.

Среди литературы на французском языке в библиотеке имелись богословские сочинения, широко известные среди католиков-христиан Европы, — «L'Imitation de Jesus Christ»⁴ — перевод трактата Фомы

---

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Л. 2–4.

² ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 55.

³ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1. В личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне эта книга сохранилась: Thomas á Kempis. L'Imitation de N. S. Jesus Christ / Traduit

Кемпийского, написанного на латыни в 1427 г., и «Le combat spirituel»¹ пастора Жана Бриньона — перевод с латинского сочинения Лоренцо Скупóли «Il combattimento spirituale»² 1589 г.

В «Каталоге» Толстой значатся ещё несколько книг, которые были чрезвычайно популярны в Европе. В разделе «Deuche Bücher» записан трактат на немецком языке А. Книгге «Ueber den Umgang mit Menschen von Knigge»³, до наших дней сохранившийся в книжном собрании музея-усадыбы⁴. Толстая осуществила его перевод с немецкого на французский язык. Рукопись получила заглавие «Sur la Societé des hommes»⁵ и составила 27 тетрадей, включающих 319 листов. Дата создания перевода, указанная Заборовой, — середина 1820-х гг. Вероятнее всего, этот труд был предпринят Толстой для совершенствования в знании немецкого и французского языков, а также для правильного руководства, «как вести себя дома, с родными и слугами, и в обществе — с людьми разных сословий, профессий, возраста» [Заборова 1972: 176].

Еще одно произведение нравоучительного направления, переведенное Толстой с французского на русский язык, — труд историка и моралиста Ж. Дроза «Essai sur l'art d'être heureux», получивший в переводе заглавие «Опыт разсуждения о искусстве быть щастливым»⁶. Рукопись состоит из 190 листов, собранных в девять тетрадей. В описи Заборова указала водяные знаки бумаги — 1825–1826 гг. и не написала годы создания перевода.

---

du latin par m. l'abbé Valart. – Paris : Fournier le jeune, 1775 [?]. На сохр. л. в начале книги владельческая запись рукой М. Н. Толстой: «Comtesse Marie Tolstoy née Princesse Volkonsky». Имеются пометы в виде загнутого верхнего уголка (с. 242) и отчёркивания простым карандашом (с. 105–106). [Библиотека 2: 423].

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 1. Эта книга до нашего времени в Ясной Поляне не сохранилась.

² В библиотеке мемориального дома-музея Толстого этой книги нет.

³ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 55. Л. 1 об.

⁴ Knigge, Adolf Franz Friedrich Ludwig von. Ueber den Umgang mit Menschen... – 7 verbesserte Auflage – Hannover, 1801. – 3 Th. [Библиотека 1: 579]. Сохранились т. 1 и 3.

⁵ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 23–26.

⁶ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 27. Оригинал книги Ж. Дроза не записан ни в «Каталоге» М. Н. Толстой, ни в каталоге «Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне...»

Мы имеем возможность установить временной отрезок ее работы над «Опытом разсуждения о искусстве быть щастливым»: не ранее середины 1829 г. – лета 1830 г., т.е. примерно год! Возникают вопросы: каким образом трактат, появившийся во Франции в 1829 г., вскоре достиг российской провинции? Как Толстая смогла перевести большой труд за такой короткий срок? Ей оставалось жить на свете год! Удивляет и то, что работа над переводами не заслоняла главного ее предназначения — воспитания пятерых детей, а в это она вкладывала весь свой материнский талант, что мы знаем по ее «Журналу поведения Николиньки». В 1830 г. первенцу было семь лет, Серёже — пять, Дмитрию — три, четвёртому сыну Льву — не было двух лет, в марте родилась дочь Маша.

В фонде Толстой есть еще несколько рукописей с водяными знаками 1826–1828 гг., которые указывают на то, что в последние два-три года жизни, одновременно с переводом «*Essai sur l'art d'être heureux*» она работала над двумя большими педагогическими сочинениями французской писательницы Фелисите де Жанлис: «*Nouvelle méthode d'enseignement pour le première enfance*»², получившим в ее переводе с французского на русский название «Новый способ наставления для первого возраста ребячества»³, и «*Adeline et Théodore ou lettres sur l'éducation*» — это произведение она переводила с французского языка на немецкий и назвала его «*Adeline und Theodor oder Briefe über Erziehung*»⁴. Время работы над переводами романа о воспитании в описи фонда не указано, но по дате изготовления бумаги в 1827–1828 гг. можно предположить, что эта работа шла одновременно с ведением «Журнала поведения Николиньки», рукопись которого находится в ОР ГМТ. В сохранившейся части «Журнала...» имеются записи с мая

¹ М. Н. Толстая скончалась 7 августа 1830 г.

² В личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне сохранилась эта книга с пометами в виде загнутых уголков, которые, по всей вероятности, принадлежат ему — многие книги, которыми он пользовался, имеют подобные признаки чтения. Из переписки братьев Толстых известно, что в письмах к Т. А. Ёргольской Толстой «выписывал тирады из *M-me de Genlis*» [Толстой 59: 187], а в черновых набросках к «Войне и миру» Кутузов читает романы де Жанлис.

³ Р РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 34. Объем — 64 листа, или 4 тетради.

⁴ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 35. Объем — 95 листов, или 5 тетрадей.

1828 г. по февраль и апрель–май 1829 г. Наступивший период «ребячества», т. е. раннего детства Николеньки побудил мать искать в литературе теоретическую базу для правильного воспитания, что и было найдено ею в книгах де Жанлис.

Известно изречение, записанное Толстой на французском языке, которое в переводе звучит так: «В ранней молодости мы ищем все вне себя. Мы призываем счастье, обращаясь ко всему, что нас окружает; но мало по малу все нас отсылает внутрь самих себя» [Толстой С. Л.: 112]. Когда подрастали ее дети, молодость была уже далеко, и творчество Толстой приобретает сугубо богословский характер: целью жизни становится самопознание. Этот трудный подвиг наиболее удобно проходить под руководством духоносных наставников, а если таковых нет, то христиане обращаются к письменному наследию святых Отцов, где Толстая могла бы найти такой совет: «Есть тебе дело, душа моя, и, если угодно, дело немаловажное. Исследуй сама себя, что ты такое, куда тебе стремиться, откуда ты произошла и где должно остановиться; действительно ли то жизнь, какую теперь живешь, или есть и другая, кроме нее?» [Сокровищница 9: 211]. У Толстой не имелось ни духовника, ни святоотеческой литературы, но было страстное стремление узнать, что там, «внутри самой себя», а в книжном шкафу стояли во французских переводах средневековые трактаты Фомы Кемпийского и Лоренцо Скупóли, служившие духовным руководством многим поколениям католиков. Она принялась за их изучение: прочитала «L'Imitation de Jesus Christ» Фомы Кемпийского, но гораздо бóльшее внимание остановила на трактате Скупóли и перевела его. По мнению скромной яснополянской затворницы в этом не было ничего выдающегося — выполняя свою любимую и привычную работу по совершенствованию в языках, она постигала науку духовного совершенствования. Однако в масштабе многовековой истории «Брани духовной» это было чрезвычайно важное событие: в 1810–1820 гг. в Ясной Поляне был создан перевод всемирно известного шедевра духовной литературы позднего Ренессанса, написанного в 1589 г., — книги «Combattimento spiritual» католического монаха Лоренцо Скупóли.

В течение 20 лет, до смерти Скуполи в 1610 г., эта книга была переведена на многие языки и выдержала более 80 переизданий. Трактат по аскетике вскоре стал любимым творением католических и православных мирян и монахов, включая и афонских отшельников.

Два русских перевода книги Скуполи — И. С. Андреевского 1787 г. и масона А. Ф. Лабзина 1816 г. с сохранением подлинного заглавия оригинала — «Брань духовная» — вскоре после печатания попали под цензурный запрет из-за католического происхождения первоисточника. В 1790-е гг. на греческий язык книгу Скуполи перевел «критский книжник Эммануил Романитис» [Феоктист: 2], а в 1796 г. прп. Никодим Святогорец внес свои изменения в критскую рукопись и обильно дополнил ее цитатами из святоотеческой литературы и собственными примечаниями аскетического характера, назвав свой труд «Невидимая брань». Еще дальше от первоисточника отошел свт. Феофан Затворник, который в 1885–1886 гг. переводил «Невидимую брань» прп. Никодима Святогорца и вносил свои существенные дополнения. В те же годы его труд издавался по мере завершения частей перевода в номерах «Душеполезного чтения». В настоящее время известно более 600 изданий и переводов книги Скуполи и среди них русский текст «Невидимой брани» свт. Феофана широко известен в православном мире, постоянно переиздается и является любимой книгой христиан.

В ряду четырех русских переводов труд Толстой занимает видное место: 1) перевод Андреевского, сделанный тридцатью годами раньше книги Толстой, был неизвестен современникам и впервые увидел свет лишь в 2009 г.; 2) она не вносила изменений и дополнений в первоисточник, но предельно сохранила его форму и почти не отклонялась от содержания¹; 3) Толстая перевела книгу на 70 лет раньше свт. Феофана Затворника, который, создавая «Невидимую брань» в 1885–1886 гг., пользовался не оригиналом Скуполи, а его дополненным и адаптированным к православному восприятию переводом.

Несмотря на всю уникальность труда Толстой, рукопись «Духовного сражения» никогда не издавалась и не упоминалась в обильном ряду переводов трактата Скуполи. Причина состоит в том, что изучение деятельности Толстой как писательницы и переводчицы, кроме четырех статей Заборовой 1960–1970-х гг., до нынешнего дня не стала целью ученых, о чем уже было сказано в начале данной статьи.

Толстая дословно следовала за итальянским трактатом при помощи посредника Жана Бриньона. Адекватность соответствия перевода со-

---

¹ В дальнейшем это будет показано при сопоставлении текстов «Духовного сражения» и «Брани духовной» Андреевского.

держанию книги Скуполи наглядна при сравнении ее текста с версией Андреевского, переведившего первоисточник.

Какие причины побудили Толстую приступить к работе над переводом? Прежде всего, это стремление к праведной жизни, что мы знаем по ее переписке с А. И. Остен-Сакен, по Дневнику и «Воспоминаниям» Толстого. Чтение книг аскетического содержания на французском языке привело к решению уяснить их истины на родном языке, обогатить свой внутренний мир, и она создала книгу, в каждую строчку которой вложила свой духовный опыт. «Читайте, рассуждайте и к себе прилагайте. К себе прилагать есть цель и плод чтения», — советовал свт. Феофан Затворник [Душеполезные поучения: 97]. Толстая не имела подобного руководителя и своим путем шла к выбору душевспасительной литературы, истины которой она могла бы употребить с пользой не только для себя, но и для тех, кто попадал под ее попечение, после того, как они будут вложены в русские словесные формы.

Эпиграф к «Брани духовной» Скуполи нашел в Послании ап. Павла: *Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2: 5). Толстая помещает то же изречение в эпиграф в своем переводе: «Никто не будет увенчан как кто хорошо сражался». Она использует глагол «сражаться» в целях более очевидной смысловой переклички с заглавием «Духовное сражение» для того, чтобы с самого начала труда выделить главную идею произведения: победа в духовном сражении возможна, если христианин неустанно сражается, стремясь к спасению. В тексте рукописи слова «сражаться» и «сражение» Толстая использует часто, не заменяя их синонимами. Например: «Необходимо приготовиться к сражению, с всевозможною решимостию и усердием, ибо никто не получит венца, как после великодушного сражения»¹.

Андреевский в своем переводе эпиграфа в равной мере пользуется глаголами «сражение» и «брань»: «Нужно приуготовиться и быть охотной к духовной брани, ибо не получит никто венца, если не будет достойно сражаться» [Скуполи: 32].

Рукопись «Духовного сражения» состоит из пятнадцати самодельных тетрадей: это 196 листов текста на обеих сторонах. В основе содержания шестидесяти шести глав такие проблемы, как средства достижения смирения, опасность гордости житейской и показной набожности,

---

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 6.

подготовка к таинству Евхаристии, управление чувствами, исправление воли, различение злых духов, удержание языка от осуждения и хулы, благодарение Богу за огорчения и болезни, упование на Его помощь, постоянное сражение с помыслами, умерщвление страстей и т. д. Несколько глав посвящено различным видам молитвы.

Характерные черты рукописи: разборчивый почерк и сохранившие свой цвет черные чернила. Весь текст дает представление о том, с какой бережливой экономностью Толстая использовала бумагу: нередко на одной строке помещается окончание главы, нумерация и название следующей и ее начало. Часто встречаются зачеркивания отдельных слов и фраз, вместо них надписи сверху исправлений, подведенные линией подчеркиваний в нужное место строки текста. Такие поправки свидетельствуют о том, что, во-первых, переводчица стремилась точнее выразить свою мысль, находя более выразительный синоним тому или иному слову; во-вторых, написав очередное предложение, сверяла его с оригиналом, находила изъян в своей работе и вписывала сверху между строк пропущенные слова, фразы или целые предложения. Подобных поправок по всему тексту довольно много, причем их встречается больше в начале рукописи. Например, в конце первой главы «В чем состоит совершенство христианское...» подводится итог размышлениям о сущности духовной жизни: «Она состоит собственно в том чтобы познать безконечную благодать и величие Божие, и чувствовать в то же время низкость нашу и склонность нашу ко злу, в том чтобы любить Бога, и ненавидеть нас самих, покоряться не только Ему, но всякой твари¹ из любви к Нему, в том чтобы отрекаться совершенно от своей воли, дабы следовать Его воле»². Пропущенная фраза «но всякой твари» вписана сверху. Подобный смысловой пропуск устранен и в начале второй главы «О недоверчивости к самому себе»: «Сия истина должна быть глубоко начертана в уме нашем, от того что хотя мы ничто иное как ничтожество, мы имеем однакож уважение к самим себе, и думаем, без всякой причины, что мы нечто»³. Вписанные сверху слова «ничто иное

---

¹ Подчеркнуто автором статьи для наибольшей наглядности. Подчеркивания в следующих цитатах мои — Е. Б.

² ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 6.

³ Там же. Л. 7об.

как» синонимичны слову «ничтожество», и таким двукратным повтором усиливается суждение о необходимости приобретения этой добродетели, ведущей к смирению. Перевод Андреевского представляет более умеренный вариант: «Мы <...> весьма удобопреклонны к лестному и ложному мнению о самих себе до такой степени, что, будучи ничто, представляем себе, что мы нечто великое» [Скуполи: 33].

Рассмотрим пример работы Толстой над стилем. В третьей главе «О доверенности к Богу», вслед за Скуполи размышляя о средствах, как приобрести добродетель постоянного упования на Бога, она пишет, что Он постоянно готов подавать христианам «то что им необходимо чтоб быть духовными людьми, и чтоб сделаться совершенными властителями над самими собою»¹. Написав сначала слово «обладатели», она его зачеркивает и заменяет на «властители». В этом и в последующих уточнениях ею, несомненно, руководила языковая интуиция, и поэтому существительное «обладатели» со статичным значением она заменяет на слово с более широким значением². В предпочтении переводчицей слова «властители» видится и другой, псаломский смысл — показать, что человек должен стать властителем над своими чувствами и волей, а после того, по Слову Творца, *владыкою над делами рук* (Пс. 8:7) Его.

Трактат Скуполи был предназначен монахиням венецианского монастыря св. Андрея Первозванного, и все его наставления адресованы к ним и каждой в отдельности, поэтому его наставления нередко начинаются с обращения к «любезной дочери». Например: «Любезная дочь! Если ты желаешь достигнуть высочайшей степени истинного совершенства и соединиться с Богом, чего ничто лучше и благороднее быть не может, то надобно прежде узнать, что есть истинное совершенство духовной жизни» [Скуполи: 27]. Адресат Толстой нематериален — душа: «Если ты желаешь, о христианская душа, достигнуть высочайшей степени евангельского совершенства и так соединиться с Богом, чтобы ты имела с Ним один дух, то, дабы успеть в намерении, которое есть величайшее, какое можно сказать или во-

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 11.

² Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля глагол «обладать» («иметь собственностью», «сохранять самообладание») является производным от более выразительного паронима «владеть», т. е. держать в своей власти, управлять.

образить, ты должна знать сперва, в чем состоит истинная и совершенная духовная жизнь»¹.

С первых строк рукописи Толстая проявляет себя не только как переводчик, но как интерпретатор текста — в данном случае ее обращение к душе имеет сугубо личный акцент: она имеет в виду, прежде всего, свою собственную душу. Она намерена для себя уяснить, как ее душа сможет при жизни соединиться с Богом. Это же выражение «соединиться с Богом» приведено и в тексте Андреевского. «Душа — подобие неба, потому что в ней обитает Господь» [Сокровищница 4: 291], — писал свт. Василий Великий, и на такую же небесную высоту Толстая желает вознести все души, которые будут руководствоваться ее трудом. Выражение «истинное совершенство» в переводе Андреевского, где слово «истинное», имеющее в данном контексте более обиходное семантическое значение, она заменяет на «евангельское», указывающее на Горнее устремление души, чающей спасения. Она уточняет цель соединения с Богом: иметь «с Ним один дух», что означает постоянное пребывание в Боге. Путем такой авторской вставки ее текст приобретает созвучие с тем, что будет написано свт. Феофаном Затворником в начальных строках «Невидимой брани»: «Самое совершенное и великое дело, которого только может желать и достигнуть человек, есть сближение с Богом и пребывание в единении с Ним» [Невидимая брань: 12]. Цель соединения с Богом Скуполи выражает так: «Ничто лучше и благороднее быть не может» [Скуполи: 27]. Толстая и свт. Феофан указывают эту цель аналогичными выражениями: «с Ним один дух» и «единение с Ним».

Еще один пример переосмысления Толстой текста оригинала в сторону большего наполнения христианскими понятиями: «Как наружные дела суть или расположения чтоб сделаться совершенно святым или плоды совершенной святости, то нельзя сказать, что в сих делах состоит христианское совершенство и истинная духовная жизнь. Это сильные средства, чтобы сделаться истинно духовным и истинно совершенным»². Подобные термины в тексте Скуполи не встречаются: «И хотя сии упомянутые наружные дела и добродетели служат хорошим средством к достижению истинного совершенства, а иногда они

---

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 1.

² ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 1 об.-2.

суть самое действие и свойство приобретенного совершенства, однако точного совершенства в себе не заключают» [Скуполи: 27].

Епископ Феоктист (Игумнов) в статье «Идейно-содержательная специфика авторских редакций “Невидимой брани”» пишет о том, что прп. Никодим Святогорец исключил из текста Скуполи упоминания о Чистилище и культе Святого Сердца. Надо полагать, что Жан Бриньон, как истинный католик, не адаптировал трактат — он переводил латинский текст с целью дать возможность французам иметь руководство к спасению на их родном языке и сохранил в своем переводе укоренившиеся в Западной Церкви традиции. В рукописи «Духовного сражения» Толстой нет ни слова о Чистилище и Святом Сердце. Таким образом, ее рукопись свидетельствует о том, что она, читая французский текст «Брани духовной», обращалась с ним так же, как и прп. Никодим Святогорец и его предшественник по переводу Романитис, — редактировала и сокращала католический трактат, наполняя его понятиями и лексикой, характерными для православной литературы. В данном случае она проявила себя как просвещенная христианка, владевшая солидными знаниями в области богословия, которые помогали ей четко отличать зерна чистого евангельского учения от плевел, возросших на ниве западных видоизменений.

Перевод «Брани духовной» Андреевского также не сохранил выше-названных католических представлений, что является красноречивым подтверждением того, что чистота Священного Предания сохраняется в безукоризненной чистоте посредством не только святоотеческого откровения, но и при участии рядовых членов Церкви. Господь, видя их веру, просвещает таковых «глаголами неизреченными» (2 Кор. 12: 4), а совершается это помощью Святого Духа, дающим Его избранным душам «образ христианского ведения» и «передания из жизни в жизнь, из дела в дело» [Душеполезные поучения: 99], — так об этом писал свт. Феофан Затворник.

Одним из главных способов по пути спасения Западная Церковь считает «размышление о страдании Господа Иисуса Христа с тем, чтобы душа пришла в умиление и сокрушение о своих грехах» [Августин: 254]. Об этом повествует 22-я глава «Брани духовной», названная Толстой так: «О том, как чувствительные вещи могут помочь нам размышлять о таинствах жизни, о страсти Господа нашего». Вслед за Скуполи переводчица предлагает читателям представлять себе Крест-

ные страдания Спасителя, если в поле их зрения попадают плетки, веревки, колючки и гвозди, а дождь должен напоминать о ручьях крови, стекавших из Его ран¹ и т. д. Цель этих созерцаний указана ею так: «Возноситься от размышлений о чувственных вещах к созерцанию Божиего величия»². Здесь акцентируется католическая добродетель — compassion, т. е. сочувствие, сострадание с Христом, акцент на Голгофскую жертву без победы над грехом и смертью на Кресте, однако эти сравнения вошли и в «Невидимую брань».

Как замечено выше, Толстая обращалась с оригиналом Скуполи, руководствуясь православным мировоззрением. Однако 22-я глава оставлена ею без изменений, несмотря на то, что основные ее положения неоднозначно воспринимаются учением Восточной Церкви — от резкой критики до возможности соглашаться с этим. Второй вариант отношения к этому отразил иером. Феоктист (Игумнов) в статье «Идейно-содержательная специфика авторских редакций “Невидимой брани”»: «В целом прп. Никодим оставляет главы 21–23 без внесения каких-либо существенных изменений» [Феоктист: 3]. Нет изменений в сторону игнорирования такой чувственности и в «Невидимой брани». Исходя из того, что свт. Феофан Затворник создавал все свои произведения действием благодати Святого Духа, следует смиренно принять эти строки и вслед за авторами «Невидимой брани» и «Духовного сражения» стремиться «возносить ум свой к созерцанию Бога» [Невидимая брань: 115], руководствуясь всеми видимыми предметами, которые нас окружают.

22-я глава «Духовного сражения» примечательна в другом отношении: снова, как уже было замечено выше, наблюдается точное соответствие переводов некоторых фрагментов Толстой и свт. Феофаном. Начало главы у Толстой такое: «Я показал тебе, как можно возноситься от размышлений о чувственных вещах к созерцанию Божиего величия»³. Свт. Феофан пишет: «Выше я показал тебе, как от чувственных вещей можем возносить ум свой к созерцанию Бога» [Невидимая брань: 115]. Перевод Андреевского: «Я уже показал, что мы можем от вещей, подлежащих чувствам, перейти к богомыслию» [Скуполи: 81]. В трех

---

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 66–66 об.

² Там же. Л. 64 об.

³ Там же. Л. 64 об.

вариантах, в целом сходных, переводы Толстой и свт. Феофана более созвучны: они используют слово «созерцание» Бога, Андреевский — «богомыслие». У свт. Феофана есть размышление об этих терминах, на первый взгляд, синонимичных, но имеющих существенное различие: «Настоящее употребление в жизни богомыслия есть представление какой-либо истины веры с соответственными чувствами и намерениями, без движения рассуждения <...>. У св. отцов оно называется созерцанием, что есть зрение умом истины с чувствами» [Симфония: 71]. Как видим из сказанного святителем, богомыслие есть представление об истинах веры, а созерцание — уже видение, что является более высокой ступенью богопознания. В других поучениях о молитве свт. Феофан не проводит тонкой грани между терминами, а пользуется ими как синонимами: «Если б кто спросил: как всегда быть с Господом? — можно смело отвечать: имей чувство к Господу — и будешь с Господом. <...> Одно воспоминание о Господе уже приводит в движение чувство к Нему. Если к сему приложить помышление о том, что Он есть и что сделал и делает для нас, то не знаю, чье сердце останется нетронутым. Потому очень праведно святые отцы почитают богомыслие, или созерцание свойств и действий Господа, ключом молитвы... и молитвы непрестанной. Потому что от сего чувство к Богу оживает... и с Господом соединяет» [Симфония: 332–333].

Размышления о молитве, как о самом необходимом оружии в сражении на пути к спасению, занимают существенную часть трех, рассматриваемых в данной статье, трактатов. В «Духовном сражении» разные виды молитвы рассматриваются Толстой в семи главах — с 44-й по 50-ю. Такое же количество глав о молитве имеется и «Брани духовной». В «Невидимой брани» добавлена глава «О молитве Иисусовой».

«Есть ли недоверчивость к самим себе, доверенность к Богу, и хорошее употребление наших способностей суть необходимые оружия в духовном сражении, как мы сие показали до сих пор, то молитва которую мы поставили последнюю еще больше необходима, ибо чрез нее мы получаем от Бога не только сии добродетели, но вообще все блага в которых мы имеем нужду. Из сего источника проистекает вся благодать, которую мы получаем свыше»¹, — таков перевод Толстой начала 44-й главы «О молитве». Вариант Андреевского этого же абзаца:

---

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 17.

«Сколь нужны для нас в сей духовной брани недоверенность к себе, твердое упование на Бога и упражнение в добродетелях, о чем до сих пор говорено было, столь же, сверх того, необходима и молитва. <...> Она есть орудие и средство к приобретению всех благодетей от Божеской благодати и милосердия» [Скуполи: 123]. При общей схожести переводов данного отрывка есть смысловые отличия в некоторых понятиях. Во-первых, размышляя о добродетели, Толстая пишет, что она подается Господом как дар, как следствие молитвы. Иной смысл в переводе Андреевского: добродетели рассматриваются как поступки человека. Во-вторых, Толстая пишет о молитве как об источнике благодати; Андреевский наделяет молитву боевыми функциями, устремленными на приобретение благодетей. Налицо здесь все методы борьбы за что-то осязаемое, земное. Снова, как и в предыдущих примерах, убеждаемся, что строки Толстой о молитве и благодати перекликаются с поучениями свт. Феофана: «Молитва есть средство для привлечения и длань для приятия всех благодетей» [Невидимая брань: 233].

Последние шесть глав «Духовного сражения» повествуют о последнем этапе битвы — при часе смертном. Перечислены «четыре рода искушений, которые случаются при смерти». Финал борьбы длиною в жизнь в переводе Толстой должен завершаться так: «Вот для чего прежде нежели час великаго сражения настал, возьмем оружие и начнем сражаться с страстями владеющими нами, дабы нам не столь трудно было противиться им и побеждать их в сие столь страшное время, которое будет конец всех времен. Вы будете сражаться с ними до тех пор пока они будут совершенно побеждены»¹. Заглавие рукописи и ее конец обнаруживают лексический повтор существительного «сражение» и глагола «сражаться», чем достигается усиление сотериологического значения всей книги. Андреевский при переводе поступил таким же образом, но с меньшей выразительностью. Его окончание «Брани духовной» таково: «Обыкновенные и общие вражий сии суть (так в тексте — Е. Б.), которые он непрестанно употребляет при последней брани с нами. А всякого он порознь смущает по склонностям каждого, которые он в нем видит. Посему наступает последний час брани нашей; надобно, облекшись в брони, мужественно ратоборствовать противу всех нами больше обладающих страстей и злых навыков, ежели мы же-

---

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 68–68 об.

лаем без всякой трудности одержать над ними победу» [Скуполи: 162]. Лексический повтор слова, выражающего ключевую идею «Невидимой брани», использовал и свт. Феофан Затворник: «Прежде приближения часа брани оной великой надлежит нам, возлюбленные, вооружиться против сильнейших страстей своих и, мужественно вступив в брань с ними, преодолеть и очиститься от них, чтоб облегчить себе победу и тогда, в час твой последний, который может найти в каждое мгновение» [Невидимая брань: 325].

Рукопись «Духовного сражения» заканчивается главой «Мысли о смерти: В каждую минуту нашей жизни мы находимся у ворот вечности. Двенадцать польз от размышления о смерти»¹. В двенадцати пунктах изложены советы о постоянном памятовании конца земной жизни. Такого финала нет ни в «Брани духовной», ни в «Невидимой брани». Вероятно, эта часть является полностью авторской. Первая польза о памяти смертной изложена Толстой так: «Вход и выход наш нагими, осуждает страсть к богатству. То что мы выходим из света одни, осуждает привязанность к тварям. Вот и гнилость плоти, которая делается пищею жаб и червей в гробу, вылечивает от безумия телесного сладострастия. И сие состояние тела нашего под землю, между животными недостойными видеть солнце, и под ногами людей, вылечивает нас от тщеславия хоть ты превозносишься над другими»². Размышляя о смерти, Толстая употребляет такие средства выражения: «учительница школы жизни»³, «один из главных пунктов мудрости»⁴, «живой источник смирения»⁵, «противудие против удовольствий и забав света»⁶. Такими эпитетами наделен предмет ее размышлений — память смертная, которая «населяет пустыни и монастыри и наполняет уединения слугами Божиими»⁷, «заставляет нас принимать на себя охотно и добровольно покаяние»⁸.

---

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 90 об.

² Там же. Л. 91.

³ Там же. Л. 91.

⁴ Там же. Л. 91–91 об.

⁵ Там же. Л. 91 об.

⁶ Там же. Л. 91 об.

⁷ Там же. Л. 91.

⁸ Там же. Л. 91.

Завершив «Духовное сражение» личными выводами о непрерывности борьбы с искушениями, Толстая в конце 1810-х гг. пробует свои способности в жанрах светской поэзии и прозы: создает около двадцати стихотворений¹, пишет сказку на французском языке «Лесные близнецы»² и большую повесть о воспитании «Русская Памела»³. В 1820-е гг. она снова возвращается к переводам французской духовной литературы.

Одной из таких работ Толстой является перевод книги Лепренс де Бомон «Magasin des pauvres, artisans, domestiques et gens de campagne», написанной в 1768 г. Автор от лица Горничной выступает как религиозный просветитель простых людей. Произведение состоит из диалогов Горничной с фермерами, служанками, крестьянами. Они обсуждают религиозные проблемы, иллюстрируют их примерами из Священного Писания, Житий святых и повседневной жизни народа. Толстая транслитерирует первое слово заглавия — «Magasin» и называет свою рукопись так: «Магазейн бедных, ремесленников, слуг и деревенских жителей»⁴.

Определение времени работы Толстой над переводом «Magasin des pauvres, artisans, domestiques et gens de campagne» представляет сложность. Бумага, на которой написан перевод, имеет водяные знаки 1806 г. Если предположить, что бумага была приобретена к тому времени, когда у шестнадцатилетней девушки сложился замысел начать перевод обширного труда Лепренс де Бомон, то возникает вопрос: что послужило поводом? С некоторой долей вероятности ее намерение взяться за перевод можно объяснить событием, происшедшим в литературном мире тех лет.

В 1808 г. в журнале «Вестник Европы» появилась статья, автором которой, вероятно, был В. А. Жуковский: «О новой книге: Училище бедных, сочинение госпожи ле Пренс де Бомон. Перевод с французского Настасьи Плещеевой»⁵. В статье говорилось о том, что книгу

---

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 3.

² ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 4.

³ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 5. Судя по водяным знакам бумаги, эти произведения написаны в 1810-е гг.

⁴ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 28–30.

⁵ Полное название книги в переводе: Училище бедных работников, слуг, ремесленников и всех нижнего класса людей. А. И. Плещеева (урожд. Протасова) — ессеистка, покровительница, друг и свояченица Н. М. Ка-

французской просветительницы в русском переводе «простодушный ремесленник с жадностью прочтет <...> в своем семействе, и в сердце его детей укоренится чувство правоты и богопочтения; но всякой добрый Господин захочет иметь ее в своем доме, для того чтобы слуги его научились из нее любить порядок, покорность и быть довольными скромным своим уделом» [Жуковский: 67]. А. И. Плещеева посвятила свой труд императрице Елизавете Алексеевне и к книге присоединила письмо, в котором выражала такое пожелание: «Воззрение Вашего Императорского Величества на слабое мое приношение воспламенит и других к сочинениям или переводам, полезным для образования простолюдинов» [Жуковский: 76].

Поселившись с дочерью в Ясной Поляне в 1799 г., князь Н. С. Волконский заботливо устривал жизнь своих крепостных. Но в его филантропии отсутствовал важный фактор: в усадьбе не был построен храм. Княжна Мария решает восполнить этот недостаток доступными ей средствами — религиозным просвещением. Вполне возможно, что князь Волконский получал в Ясной Поляне «Вестник Европы» и его дочь, прочитав статью Жуковского, «воспламенилась» желанием сделать подобный перевод, «полезный для образования простолюдинов», принадлежавших отцу. Нравоучительный труд Лепренс де Бомон, скорее всего, был переведен княжной именно для этой цели: научить людей, вверенных помещикам Самим Господом, «чувству правоты и богопочтения», поскольку проблемы веры и неверия, религиозной безграмотности народа в русской глубинке были аналогичны тому, что наблюдалось среди крестьян во Франции.

Рукопись «Магазейна бедных, ремесленников, слуг и деревенских жителей» состоит из тридцати одной тетради, включающих 445 двухсторонних листов текста. Переводчица вносит некоторые изменения в книгу Лепренс де Бомон: в оригинале главное действующее лицо — Горничная без имени. Толстая никак не обозначает должность, но называет ее Госпожа Добрая, тем самым указывая на главное служение — сеяние доброго евангельского семени в души слушателей из народа. Во французском подлиннике часть персонажей названы по имени, а некоторые — по своим профессиям, например, фермер, откупщик

рамзина. В личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне «Вестника Европы» за 1808 г. нет.

и т. д. Толстая сохраняет этот принцип, а француженка Анна именуется Анютой.

Одна из основных проблем «Magasin des pauvres...» — воспитание простого человека из народа вере и почитанию Бога — привела Толстую к решению написать произведение, в котором эти поучения станут единственной темой, не разбавленной бытовыми сценами и житейскими примерами. В итоге она создала самостоятельное произведение, в котором реализовала возможность послужить ближнему и приложить свою веру и глубокие познания Священного Писания и Предания, догматики и истории Церкви к практическому делу. «Наставление о законе христианском, выбранное из “Магазейна бедных”»¹ — так автор назвала труд. Это оригинальное произведение вполне соответствует жанру вопросно-ответной структуры катехизисов². В «Наставлении о законе христианском...» на 118 листах с оборотами, собранных в девять самодельных тетрадей, содержится триста девяносто два вопроса и столько же ответов. В этом труде Толстая уже в большей степени, нежели в «Духовном сражении», раскрыла свой талант духовной писательницы, обладавшей глубокими богословскими познаниями.

«Наставление о законе христианском, выбранное из “Магазейна бедных”» написано на бумаге с водяными знаками 1822–1824 гг.; бумага, использованная для «Магазейна бедных...», как сказано выше, имеет филигрань 1806 г. Эти произведения представляют единое целое — «Наставление...» родилось из «Магазейна бедных...». Если бы бумага не имела даты, то можно было остановиться на версии, что сразу после окончания перевода «Magasin des pauvres...» Толстая принялась писать «Наставление...». Возможно, было и так, однако нельзя игнорировать водяные знаки бумаги, несмотря на то, что они не могут быть ориентиром для определения времени создания того или иного произведения, поскольку бумага в больших количествах могла быть куплена на много лет вперед. В данном случае наиболее разумным представляется все-таки ориентироваться на водяные знаки. В итоге складывается такая периодичность творческой работы Толстой: в 1810-е гг., до замужества она пишет «Магазейн бедных, ремесленников, слуг и деревенских жителей»; после его окончания, в 1810–1820-е гг. переводит «Брань ду-

---

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 31.

² Встречается иное написание этого слова — катихизис.

ховную»; в 1820-е гг. становится автором «Наставления о законе христианском, выбранном из “Магазейна бедных”». Вся ее творческая деятельность зиждется на духовном основании, на стремлении послужить ближним и самой совершенствоваться в богопознании. Скорее всего, она, по примеру главной героини «Магазейна бедных...» госпожи Доброй, беседовала с яснополянскими крестьянами о вере, о Таинствах, объясняла им основы благочестия — по сути, исполняла диаконическое служение. «Яснее будете видеть путь, коим следует идти далее, — и не только для себя путь видеть, но и другим указывать» [Душеполезные поучения: 451], — писал свт. Феофан Затворник обо всех тех, которые собирали и до скончания века будут собирать духовные богатства для того, чтобы расточать их из любвеобильной своей души на окружающих. Этим руководилась и Толстая, когда принялась за перевод «Брани духовной». После того как она изучила слово за словом науку о борьбе со страстями и с еще большей ревностью стала применять к своей душе тактику духовной битвы, она начала работу над «Наставлением о законе христианском...». Вслед за Скуполи пройдя все ступени брани, она укрепила себя для того, чтобы во всеоружии знаний и внутренней силы вести по этим стезям возлюбленных ею яснополянских крестьян.

Сравнение текстов перевода «Магазейна бедных, ремесленников, слуг и деревенских жителей» с «Наставлением о законе христианском» свидетельствует о следовании Толстой за религиозно-просветительным содержанием книги Лепренс де Бомон, являющимся основным во французской книге, которое переводчица вкладывает в новую форму. Из-под ее пера вышел труд иного жанра, мало чем напоминающий оригинал. Из «Магазейна...» удалено все, не имеющее душеспасительного смысла, оставлены только катехизические поучения. В «Магазейне...» они чередуются с разнообразными сюжетами и монологами главного действующего лица — госпожи Доброй, ее беседами с крестьянами и слугами на бытовые и нравственные темы. Толстая выбирает из содержания главную идею, расставляет ее части по-своему и придает ей четкую систему вопросов и ответов, что способствует более легкому усвоению богооткровенных истин.

Возникает вопрос: какие катехизисы могла изучать Толстая для того, чтобы придерживаться в своей работе метода, принятого для этого жанра? В составленном ею «Каталоге книгам» яснополянской библиотеки нет никаких катехизисов.

В 1758 г. митр. Платон (Левшин) издал свой «Катехизис, или Первоначальное наставление в христианском законе», по которому православные христиане в России получали знания о вере и спасении. Был ли он известен Толстой, сказать невозможно. «Наставление о законе христианском...» Толстой не имеет ничего общего с трудом митр. Платона, но названия их трудов аналогичны.

В 1820-е гг. знаменитый просветитель и богослов митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) писал свой первый Катехизис. Он был издан в 1823 г. и весь 18-тысячный тираж был запрещен по наветам его недругов. Катехизис распространялся в рукописях, которые тайно хранили в монастырях, в том числе и в Оптиной пустыни. В эти же годы катехизические наставления писала Толстая, в которых, по аналогии со всеми катехизисами, известными с XVI в., излагала учение о вере и христианской жизни. Ее «Наставление...» свидетельствует о том, что она прекрасно знала библейские, вероучительные и догматические аспекты Вселенской Церкви. В данном случае мы снова сталкиваемся с фактом незаурядных познаний Толстой в сфере богословия, что впервые обнаружилось при изучении ее рукописи «Духовное сражение». Греческое слово «катехизис» означает «оглашение», или преподавание Закона Божия из уст в уста. Такая цель — учить своих крепостных жить в вере и благочестии — была поставлена ею, и она взялась за богоугодный труд.

Свои наставления Толстая предназначала для бедных, простых и, как правило, неграмотных людей, не имевших возможности постигать богословские науки в их полноте, и с самого начала «Наставления...» слышится совет не стремиться приобретать земные блага, а собирать себе сокровище на Небесах: «Вопрос¹. Для чего должно учиться закону? Ответ. Для того чтоб знать что должно делать чтоб удостоиться Царства Небеснаго. Естли кто ничего другого не делает как хорошо есть и забавляется то все это пройдет и ничего от этаго не останется, и так ни к чему не послужит в минуту смерти естли мы были богаты и щастливы, но очень будет полезно естли мы были научены в законе, естли мы любили Бога и служили Ему»². Крестьяне и слуги в книге

---

¹ Во всём тексте «Наставлений...» слова «вопрос» и «ответ» подчеркнуты Толстой.

² ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 1–1 об.

Лепренс де Бомон говорят о том, что богатым Бог дает все, и поэтому они обязаны любить Бога, а бедным в их страданиях и трудах даже молиться некогда. В «Наставлении...» Толстая говорит о тщете забав и богатства. Поучения госпожи Доброй в «Магазейне бедных...» в ответ на ропот крестьян о бедности, труде и лишениях преобразованы ею в вопрос: «Что должно делать чтоб получить Царство Небесное? <...> чтоб служить Богу?»¹ и ответ: «Убегать греха, и исполнять должности нашего состояния, то есть, делать хорошо, и из любви к Богу то что мы делаем всякой день»².

«Для чего нас Бог сотворил?», — на этот вопрос, от создания мира встающий перед всеми, имеющими веру в своего Создателя, в «Наставлении...» следует ответ, адресованный всем без исключения, независимо от их социального статуса: «Для того чтобы знать и любить Его, служить Ему и чрез то получить вечную жизнь. И так мы не для того сотворены чтоб только есть, пить и забавляться. Бог хочет чтоб мы имели пищу, чтоб мы честным образом забавлялись после исполнения своей должности, но Он хочет чтоб мы все сие делали для того чтоб Ему угождать. <...> Мы слуги Божии, и должны для Него работать»³. Как видим, Толстая начинает с самого главного на пути спасения — учит своих подопечных добродетелям любви к Богу, терпения и смирения. Эти поучения являются частью беседы о Символе веры. Они созвучны тому, что пишет свт. Филарет: «Вопрос. С каким назначением Бог сотворил человека? Ответ. С тем, чтобы он познавал Бога, любил и прославлял Его, и через то вечно блаженствовал» [Филарет: 38]. Разница в том, что Толстая помещает Символ веры в начало «Наставлений...», а у свт. Филарета приведенный фрагмент является сорок пятым вопросом и ответом в череде пятидесяти трех частей главы «О первом члене» Символа веры. Труд митр. Филарета начинается с разъяснений таких понятий как катехизис, Божественное Откровение, Священное Предание и Священное Писание, состав библейских книг и т. д. и только после столь обширного введения святитель переходит к толкованию Символа веры.

Поучения о необходимости познания Бога, веры в Него проходят через весь катехизис Толстой. Они изложены простым языком, при-

---

¹ Там же. Л. 1 об.

² Там же. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 1 об.

ближенным к народной речи: «Бог есть тот который нас сотворил, который дал нам все что мы имеем и хочет сделать нам еще гораздо больше добра, одно из лучших средств знать Бога есть то чтоб почитать Его безконечно милостивым. Бога нельзя видеть, но Он везде: теперь Он посреди нас, и в то же время Он во всех других местах в свете. Он видит и слушает нас; Он считает наши хорошия и дурныя дела, чтоб наградить нас когда мы делаем добро, и наказать нас когда мы делаем зло. Он знает не только все наши дела, но даже все наши мысли и желания»¹, — так доступно рассказана ею сложная тема о существовании и свойствах Божиих.

Митр. Филарет разъясняет первый член Символа веры: «Вопрос. Что значит веровать в Бога? Ответ. Веровать в Бога значит иметь живую уверенность о Его бытии, свойствах и действиях, и всем сердцем принимать откровенное слово Его о спасении рода человеческого» [Филарет: 26]. Толстая об этом пишет: «Вопрос. Остановись тут: не должно читать сие скоро и без внимания. Что должно думать при сей первой части символа? Ответ. Сие солнце которое столь прекрасно, которое освещает и нагревает нас, которое заставляет созревать плоды земные. Бог сотворил оное чтоб доставлять нам все сии блага. Он сотворил также землю которой Он приказал производить хлеб, вино, плоды, овощи и все другия вещи которыя служат к нашей пище. Он дал нам также из чего делать платья во льну, в пеньке и в шерсти овец. Он сотворил всякия богатства для нас. Сколько мы должны быть Ему благодарны»². В ее повествовании слышится живой диалог: катехизатор обращает внимание на неподобающую при беседе о Боге скороговорку. Ответ более напоминает притчу наподобие тех, которыми Спаситель поучал слушателей из народа образами, окружавшими их жизнь от рождения до смерти. Такая форма ее рассказа о постижении Бога через природу и предметы, окружающие человека, находит подтверждение в словах свт. Василия Великого: «Что прежде — знание, или вера? А мы утверждаем, что вообще в науках вера предшествует знанию. <...> А в вере в Бога предшествует понятие, именно понятие, что Бог есть, и его собираем из рассматривания тварей. Ибо познаем премудрость, и могущество, и благодать, и вообще “невидимое Его”,

---

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 2.

² Там же. Л. 4 об.

уразумевая от создания мира. Так признаем Его и Владыкой своим» [Василий Великий 3: 284].

Толстая не упускает возможности подчеркнуть, что светская ученость в очах Божиих не значит ничего. Например, при объяснении восьмого члена Символа веры она пишет: «Вопрос. Чему мы должны верить в разсуждении Святаго Духа? Ответ. Что Он Бог, так как Отец и Сын; что Он освящает нас, то есть что Он приходит в наши души чтоб изгонять из них грех, чтоб поселять в них добродетели, возбуждая в них любовь к Богу. Наконец Он приходит в наши души чтоб просвещать нас; самый несведущий и простой человек, естли он удостоится получить Святаго Духа, делается знающее самых ученых людей в вещах касающихся до Бога»¹. Она не касается здесь догматических тонкостей об исхождении Святаго Духа, о Его свойстве быть Животворящим, чему посвящены объяснения митр. Филарета. Аудитории, к которым были адресованы поучения святителя и благочестивой графини, были совершенно разные — этим объясняется разница в средствах художественного выражения тех или иных поучений.

В «Наставлении о законе христианском...» встречаются отрывки, которые почти дословно повторяют текст Катехизиса митр. Филарета. Каким образом могли случиться такие совпадения, если его Катехизис издания 1823 г. не был доступен читателям? На этот вопрос пока нет ответа. Так, при толковании восьмого члена Символа веры митр. Филарет ставит вопрос: «Как можно сделаться причастным Святаго Духа?» [Филарет: 69]. Толстая пишет подобным образом: «Как можно удостоиться получить Святаго Духа?»² Их ответ совершенно аналогичен: «Чрез усердную молитву и чрез таинства» [Филарет: 70]³.

Митрополит с академическим образованием и мирянка, постигавшая богооткровенные истины самостоятельно, одинаково объясняют девятый член Символа веры о Церкви. Митр. Филарет пишет: «Вопрос. Почему Церковь называется Соборной, или что то же, кафолической или Вселенскою? Ответ. Потому что она не ограничивается никаким местом, ни временем, ни народом, но заключает в себе истинно верующих всех мест, времен и народов» [Филарет: 79]. Толстая пишет: «Что

---

¹ ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 13.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 13.

значит слово: соборная церковь? По чему церковь называется соборная или повсеместная? **Ответ.** По тому что она не ограничивается никаким местом, ни временем, ни народом, но заключает в себе христиан из всех мест, времен и народов»¹.

Катехизис митр. Филарета — это образец академического объяснения истин веры, наполненный примерами из Священного Писания, истории Церкви и догматики. Недостаток труда, за который его автор подвергался критике современников, состоял в отсутствии связи с практической жизнью. Толстая при толковании тех или иных изречений использует простые житейские примеры, нередко пересказывая своими словами то, что ученые мужи изложили бы витиевато, но не столь понятно. Например, при объяснении слов Символа веры о грядущем Суде она упрощенно пересказывает изречения Спасителя о последних временах (см.: Мф. 24: 29–31; Мф. 27: 52–53; Мк. 13: 24–27; Лк. 21: 25–27), главы Апокалипсиса (Откр. 6: 2–17; 8: 12–18; 20: 4–9) и в результате получается рассказ, понятный любому простому человеку: «Придет день когда солнце уже не будет освещать, луна покажется окровавленной, земля потрясется ужасным образом; выпадет страшный град который побьет много людей и зверей; наконец, пойдет огненный дождь, который сожжет все что будет живаго на земле. После того придет Ангел который затрубит в трубу говоря: Возстаньте, Мертвые, и грядите на суд. В то же время все люди которых умерли с начала света, выдут из гробов своих, и возвратятся на землю с собственными своими телами. Тела добрых будут тогда прекрасны, блистательны, даже те которые были стары и безобразны во время жизни своей. Напротив того прекраснейшая девица в свете, которая имела нещастие умереть в грехе, найдет тело ужаснейшее нежели труп который тлеет уже шесть месяцев»². Митр. Филарет в подобном случае использует соответствующие цитаты на церковно-славянском языке из Евангелий, Деяний и Посланий апостолов.

Необходимо обратить внимание на отличие в расположении частей «Наставления о законе христианском...» от Катехизиса митр. Филарета. Святитель в своем изложении руководствуется изречением ап. Павла: *Ныне же пребывают вера, надежда, любовь* (1 Кор. 13 :13), где учение

---

¹ Там же. Л. 14.

² ОР РНБ. Ф. 783. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 8 об.-9.

о вере (здесь и далее подчеркнуто мною — Е. Б.) раскрывается в Символе веры, о надежде — в Заповедях блаженства и молитве Отче наш, о любви — в десяти Заповедях Закона Божия. Вера, надежда, любовь — таковы названия трех частей его Катехизиса. Эта лестница, ведущая в Рай, у Толстой иная — вера, любовь и надежда: первая часть посвящена объяснению Символа веры, затем следует толкование Закона Божия (любовь), к которому она присоединяет беседы о молитве Отче наш; третья часть ее катехизиса — беседы о Заповедях блаженства (надежда). По логике ее путь к Богу более понятен: от веры рождается любовь к Богу и ближнему, а все это вкупе дает надежду на спасение в вечной жизни.

Вторая часть «Наставлений о законе христианском...» (о любви) начинается беседами о Законе Божиим, т. е. о Десятословии. Остановимся на фрагментах совпадений толкования первой Заповеди в двух катехизисах. Для большей наглядности совпадений и различий удобнее приводить соответствующие фрагменты параллельно. Толстая пишет: «Скажи в немногих словах какия должности необходимо следуют из внутренняго богопочтения или обожания Бога?»¹ — Митр. Филарет: «Какие должности относятся к внутреннему богопочтению?» [Филарет: 139].

Ответ Толстой состоит из трёх частей: «1) Повиноваться Богу то есть исполнять все наши обязанности из любви к Нему»². — Ответ митр. Филарета содержит десять пунктов; сравним те, которые перекликаются с ответами Толстой. Его 6-й пункт, соответствующий первому у Толстой: «Повиноваться Богу, то есть, непрестанно быть готовым делать то, что Он повелевает, и не роптать, когда Он не то делает с нами, чего бы мы желали» [Филарет: 140].

Толстая: «2) Благодарить Бога за все блага которыя мы от него получаем и не роптать когда Он не то с нами делает чего бы мы желали»³.

9-й пункт у митр. Филарета: «Благодарить Бога, как Творца, Промыслителя и Спасителя» [Филарет: 140]. Бросается в глаза разница в ответах о мере благодарности. Что более ценно у Бога: повиноваться Ему без ропота, несмотря на невзгоды, или благодарить за них? По-

---

¹ Там же. Л. 21.

² Там же. Л. 21.

³ Там же. Л. 21.

виновение может быть и рабское без благодарности и сыновнее — с благодарностью. Именно такая любовь — с благодарностью за все наполняет ответ Толстой светом евангельской высоты.

Толстая: «3) Призывать Бога как всемогущаго и милосерднаго Подателя всех благ, то есть, молиться Ему, просить у Него всего того что нам нужно для души и для тела»¹. 10-й пункт у митр. Филарета: «Призывать Бога, как Всеблагого и Всемогущего Помощника во всяком добром начинании» [Филарет: 140].

Из сравнения двух последних фрагментов о богопочитании видим, что Толстая более подробно размышляет о том, как надо призывать Бога — молиться Ему, и тут же, в толковании первой из десяти Заповедей — «Я Господь Бог твой: да не будет у тебя других богов пред лицом Моим»² она помещает большую беседу о молитве. Эту часть о молитве можно условно разделить на три пункта: 1) разные виды молитвы, 2) толкование «Отче наш», 3) «примеры благочестивых размышлений при разных случаях»³, — в целом это занимает десять листов с оборотами.

Митр. Филарет посвящает отдельные главы разным молитвам и молитве Господней, которые расположены во второй части Катехизиса «О надежде». Несмотря на различие в расстановке, беседы о видах молитвы и толкование на «Отче наш» в катехизисах митр. Филарета и Толстой идентичны. Рассмотрим их размышления о видах молитвы.

Толстая: «Вопрос. Что такое молитва? Ответ. Благочестивое возношение ума и сердца к Богу, или благочестивая речь человека к Богу»⁴. — Митр. Филарет: «Вопрос. Что есть молитва? Ответ. Возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу» [Филарет: 111].

Толстая: «Вопрос. Можно ли молиться без слов? Ответ. Можно; умом и сердцем. Думать о Боге, предлагать ему свои дела, желать хорошо делать их для того чтобы Ему повиноваться и угождать Ему; говорить иногда в мыслях: “Боже мой, даруй мне благодать хорошо делать то что я делаю”; вот истинная молитва, и ничто не мешает молиться та-

---

¹ Там же. Л. 21–21 об.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 21–31 об.

⁴ Там же. Л. 21 об.

ким образом несколько раз в день»¹. — Митр. Филарет: «Вопрос. Можно ли молиться без слов? Ответ. Можно, умом и сердцем. Пример тому можно видеть у Моисея, пред переходом через Черное море (См. Исх. 14: 15)» [Филарет: 111].

Толстая: «Вопрос. Как называется такая молитва? Ответ. Она называется сердечною или внутреннюю молитвою, а молитва словами произносимая, и сопровождаемая наружными знаками благоговения называется изустною или наружною молитвою»². — Митр. Филарет: «Вопрос. Не имеет ли такая молитва особенного названия? Ответ. Ее называют духовной, или умной, сердечной, одним словом, внутренней молитвой: так как, напротив, молитва, словами произносимая и сопровождаемая другими знаками благоговения, называется устной или наружной» [Филарет: 111].

Толстая: «Вопрос. Бывает ли наружная молитва без внутренней? Ответ. Бывает, когда кто произносит слова молитвы без внимания и думая о другом»³. — Митр. Филарет: «Вопрос. Может ли быть наружная молитва без внутренней? Ответ. Может, когда кто произносит слова молитвы без внимания и усердия» [Филарет: 112].

Толстая: «Вопрос. Довольно ли одной наружной молитвы для получения благодати? Ответ. Не только недовольно, но одна наружная молитва без внутренней прогневляет Бога»⁴. — Митр. Филарет: «Довольно ли одной наружной молитвы для получения благодати? Ответ. Не только не довольно для получения благодати, напротив того, одна наружная молитва. Без внутренней, прогневляет Бога» [Филарет: 112].

Толстая: «Вопрос. Но не довольно ли одной внутренней молитвы без наружной? Ответ. Без сомнения не довольно; как человек составлен из души и из тела, то мы должны прославлять Бога в теле нашем и в душе нашей, которые суть Божии; и так мы должны всякой день по утру и вечеру произносить молитву изустную и сопровождаемую наружными знаками благоговения и присоединять к ней сердечную и внутреннюю молитву, а в течении дня очень полезно часто возносить сердце

---

¹ Там же. Л. 21 об.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 21 об.-22.

⁴ Там же. Л. 22.

наше к Богу посредством внутренней, сердечной молитвы»¹. — Митр. Филарет: «Вопрос. Но не довольно ли одной внутренней молитвы без наружной? Ответ. Сей вопрос походит на то, как если бы кто спросил: не довольно ли человеку одной души без тела? Бесполезно спрашивать об этом, когда Бог благоволил составить человека из души и тела: также бесполезно спрашивать и о том, не довольно ли одной внутренней молитвы без наружной. Имея душу и тело, мы должны прославлять Бога в *телесех наших, и в душах наших, яже суть Божия*; так как и естественно, чтобы *от избытка сердца уста* говорили» [Филарет: 112]².

Толстая: «Вопрос. Нет ли такой молитвы которая могла бы быть общею христианскою молитвою, и образцом для всех молитв? Ответ. Такова молитва Господня»³. — Митр. Филарет: «Вопрос. Нет ли такой молитвы, которая бы могла быть общей христианской молитвой и образцом для всех молитв? Ответ. Такова есть молитва Господня» [Филарет: 113].

Приведенные примеры убеждают в том, что Толстая знала Катехизис митр. Филарета, но руководствовалась его текстом лишь отчасти. После беседы о видах молитвы частичные совпадения ее текста с тем, как писал святитель, встречается в толковании молитвы «Отче наш».

В «Духовном сражении» и в «Наставлении о законе христианском» Толстая имя Иисус пишет как Исус, что было в употреблении до реформ патриарха Никона. На первый взгляд, похоже на транслитерацию с *Jésus* [zezy]. Написание с двумя «и» встречается всего несколько раз. Вероятно, суть дела здесь не в точном следовании буквенным знакам, а в приверженности древнерусской традиции, т. к. до середины XVII в. два «и» сливались в один звук, а в старопечатных книгах был один вариант написания имени Божия — Исус.

Изучение фонда Толстой в ОР РНБ привело к таким выводам: мать писателя была наделена от Господа благодатью живой и действенной веры, которую она не скрывала под спудом, а дарила окружающим. На этом прочном основании возрастала ее христианская любовь ко всем окружающим без различия. Свет веры она не держит под спудом, а делится им. С верой она живет, воспитывает детей, занимается образо-

---

¹ Там же. Л. 22.

² Выделено курсивом в тексте Катехизиса митр. Филарета.

³ Там же. Л. 22–22 об.

ванием крестьян. Ее вера созидательна и деятельна. «Вера, когда жива и пламенна, не может укрываться в сердце без обнаружения, а сама собой выходит и в слове, и во взоре, и в движениях, и в делах», — писал свт. Феофан Затворник [Душеполезные поучения: 150].

Для большего приобретения знаний о Боге Толстая самостоятельно постигает доступные ей богословские науки. По причине отсутствия в библиотеке отца и дочери Волконских духовных книг на русском языке она читает популярные в Европе богословские трактаты, имевшиеся в Ясной Поляне, переводит их, причем не копирует дословно тексты, а смело развивает те или иные темы, особенно близкие ей, оживляет оригиналы точными формулировками, примерами из собственных наблюдений, адаптирует католические книги путем внесения при переводах православных понятий и терминов, в результате чего из-под ее пера рождаются самостоятельные произведения, ключевой идеей которых становится убеждение в том, что богословские знания должны способствовать укреплению веры.

Толстой всегда был уверен в том, что его мать — истинная праведница и сподобилась венцов в Царстве Небесном. На закате своей жизни, в «Воспоминаниях» он писал: «В моем представлении о ней есть лишь ее духовный облик, и все, что я знаю о ней, все прекрасно».

Яснополянская праведница обрела все признаки святости не только для своих детей и родных, но и для всех, кто встретился с ее «духовным обликом», взяв в руки тетрадки из голубой шершавой бумаги, навеки сохранившие отражение сердечных дум и дарованного ей Богом гениального таланта духовной писательницы. 200 лет тому назад в Ясной Поляне она создала произведения, в основу которых положены истины, ведущие в жизнь вечную, и поэтому они не подвержены ни тлению, ни забвению.

Список литературы

Источники

Василий Великий, свт. К Амфилохию, епископу Иконийскому // Творения: в 3 т. СПб., 1911. Т. 3. 420 с.

Душеполезные поучения святителя Феофана Затворника. [М.]: Введенская Оптина пустынь, 2006. 574 с.

[*Жуковский В. А.*] О новой книге: Училище бедных, сочинение госпожи ле Пренс де Бомон. Перевод с французского Настасьи Плещеевой // Вестник Европы. 1808. Ч. 42, № 21. С. 67–76.

Невидимая брань: Блаженной памяти старца Никодима Святогорца: в 2 ч. / пер. с греческого святителя Феофана Затворника. М.: Царское Дело, 1999. 384 с.

Симфония по творениям святителя Феофана, Затворника Вышенского. М.: Дар, 2008. 640 с.

Скуполи Лоренцо. Брань духовная, или Наука о совершенной победе самого себя. СПб.: Азбука-классика, 2009. 448 с.

Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской // Сокровищница духовной мудрости: Антология святоотеческой мысли: 12 т. М.: МДА; Козельск: Введенская Оптина Пустынь, 2004. Т. 4. 573 с.

Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского // Сокровищница духовной мудрости: Антология святоотеческой мысли: в 12 т. М.: МДА; Козельск: Введенская Оптина Пустынь, 2007. Т. 9. 575 с.

Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина // Сокровищница духовной мудрости: Антология святоотеческой мысли: в 12 т. М.: МДА; Козельск: Введенская Оптина Пустынь, 2003. Т. 2. 574 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

Феоктист (Игумнов), иером. Идеино-содержательная специфика авторских редакций «Невидимой брани». URL: <https://svthefan.ru/images/phokagallery/news/2015/36/Feoktist.pdf> (дата обращения: 30.06.2023).

Филарет, свт., митр. Московский и Коломенский. Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. СПб.: Об-во святителя Василия Великого; М.: Паломник, 2002. 175 с.

Исследования

Августин (Никитин), архим. Об отношении Православной Церкви к инославным вероисповеданиям // Нева. 2020. № 4. Ч. 1. С. 244–254.

Белоусова Е. В. М. Н. Толстая — мать двух писателей: Н. Н. и Л. Н. Толстых. Её духовные идеалы и педагогические принципы // Литература и история. XIX век. М.: МГОУ, 2016. Вып. VI. С. 40–59.

Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: в 2 ч. М.: Книга, 1999. Ч. 2: Книги на иностранных языках. 670 с.

Заборова Р. Б. Архив М. Н. Толстой (Новые материалы) // Яснополянский сборник. Тула: Приокское книжное изд-во, 1960. С. 166–184.

Заборова Р. Б. Звенья лирической биографии: неопубликованные стихотворения и наброски матери Л. Н. Толстого // Дон. 1979. № 3. С. 185–189.

Заборова Р. Б. М. Н. Толстая как писательница // Яснополянский сборник. Тула: Приокское книжное изд-во, 1972. С. 232–240.

Толстая М. Н. (урождённая княжна Волконская), мать Толстого: Каталог материалов из фондов ГМТ. М.: Гос. музей Л. Н. Толстого, 2014. 182 с.

Толстой С. Л. Мать и дед Л. Н. Толстого. М.: Федерация, 1928. 152 с.

References

Avgustin (Nikitin), archimandrite. “Ob otnoshenii Pravoslavnoi Tserkvi k inoslavnym veroispovedaniiam” [“On the Attitude of the Orthodox Church Towards non-Orthodox Confessions”]. *Neva*, no. 4, part 1, pp. 244–254. (In Russ.)

Belousova, E. V. “M. N. Tolstaia — mat’ dvukh pisatelei: N. N. I L. N. Tolstyxh. Ee dukhovnye idealy i pedagogicheskie printsipy” [“M. N. Tolstaya is the Mother of Two Writers: N. N. and L. N. Tolstoys. Her Spiritual Ideals and Pedagogical Principles”]. *Literatura i istoriia. XIX vek [Literature and History. 19th Century]*, issue VI. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2016, pp. 40–59. (In Russ.)

Biblioteka Lva Nikolaevicha Tolstogo v Iasnoi Poliane: v 2 ch. [Library of Leo Tolstoy in Yasnaya Polyana: in 2 parts], part 2: Knigi na inostrannykh iazykakh [Books in Foreign Languages]. Moscow, Kniga Publ., 1999. 670 p. (In Russ.)

Zaborova, R. B. “Arkhiv M. N. Tolstoi (Novye materialy)” [“Archive of M. N. Tolstaya (New Materials)”]. *Iasnopolianskii sbornik [Yasnaya Polyana Collection]*. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1960, pp. 166–184. (In Russ.)

Zaborova, R. B. “Zven’ia liricheskoi biografii: neopublikovannye stikhotvoreniia i nabroski materi L. N. Tolstogo” [“Links of a Lyrical Biography: Unpublished Poems and Sketches of the Mother of L. N. Tolstoy”]. *Don*, no. 3, 1979, pp. 185–189. (In Russ.)

Zaborova, R. B. “M. N. Tolstaia kak pisatel’nitsa” [“M. N. Tolstaya as a Writer”]. *Iasnopolianskii sbornik [Yasnaya Polyana Collection]*. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1972, pp. 232–240. (In Russ.)

Tolstaia, M. N. (urozhdennaia kniazhna Volkonskaia), mat’ Tolstogo: Katalog materialov iz fondov GMT [M. N. Tolstaya (Princess Volkonskaya), Tolstoy’s Mother: Catalog of Materials from the Tolstoy State Museum Collections]. Moscow, Tolstoy State Museum Publ., 2014. 182 p. (In Russ.)

Tolstoi, S. L. *Mat’ i ded L. N. Tolstogo [Mother and Grandfather of L. N. Tolstoy]*. Moscow, Federatsiia Publ., 1928. 152 p. (In Russ.)